

Чэн И Фэй тоже разместил уведомление?

Почему в этот критический момент он решил выставить себя дураком?

Гу Фэй Янь с тревогой спросила:

- Что написал Чэн И Фэй?

Евнух тут же озвучил первую часть уведомления. Гу Фэй Янь не удивилась, услышав его, но какое-то время не знала, как реагировать.

Чэн И Фэй написал исключительно длинное уведомление, оно было как минимум втрое длинее, чем уведомление семьи Ци.

Содержание выражало три основных мысли, первая – объяснить, что произошло между ним и Гу Фэй Янь в Башне удачи. Там говорилось, что изначально он хотел пригласить Гу Фэй Янь на обед, чтобы поблагодарить ее за спасение его жизни, но затем, выпив слишком много, он унес ее. Он приносил публичные извинения за ненужные неприятности, причиненные Гу Фэй Янь.

Во-вторых, Гу Фэй Янь не только спасла его жизнь, но и его братьев в военном лагере. За что он пользуясь случаем, хотел выразить свою благодарность.

Что касается третьей мысли, она была особенно интересной.

Там говорилось, что Гу Фэй Янь хорошая девушка и заслуживает встречи с достойным мужчиной, поэтому он особо написал в объявлении... Поздравляю Гу Фэй Янь и Ци Юя с разрывом помолвки! В то же время он считал себя достойным мужчиной и посоветовал Гу Фэй Янь подумать над этим.

Гу Фэй Янь была смущена и сердита, но ей все же хотелось рассмеяться. Настроение у нее было крайне сложное! Несмотря на то, что оно было сложным, она в душе не могла не похвалить Чэн И Фэя. Этот парень... настоящий талант!

Ся Сяо Мань расхохотался. Он подошел к Гу Фэй Янь и, потеряв свой нежный подбородок, с интересом оценил ее. Первоначально Гу Фэй Янь не была особо смущена, но после того, как ее оценили подобным образом, ее лицо покраснело.

Этот парень Чэн И Фэй, разве не лучше было не посылать разъяснений и поздравлений с разрывом помолвки? Почему ему обязательно нужно сказать последнее слово? Боишься, что в мире не будет хаоса?

- Тц, тц.

Ся Сяо Мань вздохнул:

- Похоже, ты действительно нравишься генералу Чэну! Что ты об этом думаешь?

Гу Фэй Янь избежала его взгляда, но Ся Сяо Мань продолжал преследовать ее. Внезапно он весело рассмеялся и сказал:

- Эй, девчонка, генерал Чэн - настоящий мужчина, лучше следуй за ним! Ты наверняка будешь пользоваться почетом, не испытывая горечи, это намного лучше чем быть здесь служанкой!

Гу Фэй Янь знала, что Ся Сяо Мань очень хотел, чтобы она ушла, поэтому закатила глаза и ушла.

Это не было ее целью!

Этот парень Чэн И Фэй все еще годился быть другом, даже братом, но он мог забыть обо всем остальном!

Что касается того факта, что Ся Сяо Мань хотел, чтобы она покинула резиденцию принца, у него не было ни единого шанса! Надо было знать, что она все еще надеялась, что три месяца спустя принц Цзин будет доволен ею и решит оставить ее при себе.

Оскорбить принцессу Хуай Нин и семью Ци было равносильно оскорблению половины императорского двора. Ей пришлось прислониться к большому дереву - Его Высочеству принцу Цзину, чтобы быть в безопасности и иметь силы на исследование секретов Ледяного моря!

Настроение Гу Фэй Янь в основном улучшилось. Она ждала, когда принц Цзин вернется в резиденцию. Девушка хотела подождать еще два дня. Если принц Цзин не вернется обратно, она сама отправится в храм Дали.

Старый лис был опасным человеком, его нельзя было отпускать!

Менее чем за день объявление Чэн И Фэя, как и объявление семьи Ци, с невероятной скоростью распространились по улицам и переулкам города. В то же время они распространились и за пределами города, и внутри дворца.

Надо сказать, извинения семьи Ци и разъяснения семьи Чэн позволили позаботиться о репутации Гу Фэй Янь.

Но это также принесло неожиданный результат. То есть... Пока толпа обсуждала объявления резиденций двух Великих генералов, они также ждали, когда принц Цзин отправит свое объявление.

Помимо Чэн И Фэя, у принца Цзина тоже были неоднозначные отношения с Гу Фэй Янь! Более того, слухи распространились даже больше, чем слухи о Чэн И Фэе. Независимо от того, было ли это правдой, принц Цзин должен был использовать эту возможность, чтобы прояснить ситуацию, верно?

Все ждали и ждали. Небо уже стало темным, а из поместья принца Цзина все еще не поступило никаких объявлений.

На следующий день общественное мнение резко изменилось. Никто больше не беспокоился о семье Ци, и никого не волновало признание Чэн И Фэя. Все были обеспокоены реакцией принца Цзина.

Например, отправит ли Его Высочество принц Цзин уведомление? Когда выйдет уведомление? Что будет сказано в нем?

Гу Фэй Янь не ожидал подобного. Она тоже была удивлена, когда Ся Сяо Мань рассказал ей об этом. Девушка подумала:

«Его Высочество принц Цзин все еще не знает об этом, верно? Если бы он знал, он, вероятно, воспользовался бы возможностью, чтобы все прояснить».

В конце концов, разъяснение было бы полезно как для нее, так и принца Цзина.

Фактически, Цзюнь Цзю Чэнь давно знал об этом объявлении и знал, что стал центром общественного мнения. Последние два дня он жил за пределами города в храме Великой доброты, совершенно не заботясь о спорах людей.

Он не верил ни в будд, ни в богов, но ему очень нравилось умиротворение храма, звуки пения сутр и запах благовоний.

В этот момент ночь была безмолвна, на востоке светила луна, а его сопровождала Вечерняя звезда(п.п. Венера).

В главном зале храма Великой доброты курились благовония. Настоятель храма Хуэй Гуан в настоящее время возглавлял группу монахов, певших буддийские сутры. Их голоса были чистыми и благочестивыми, и в них была своя магия, успокаивающая беспокойные сердца.

Цзюнь Цзю Чэнь, одетый в тонкий белый халат, сидел на ступенях перед главным залом с буддийскими четками из агарового дерева в руке. Его глаза были закрыты, когда он молча слушал. Все его существо было наполнено исключительным спокойствием, словно он стал единым целым с этим храмом, монахами, звуком сутр, ночью, яркой луной, ночным небом и звездами, и общим безмолвием.

После того, как монахи закончили пение, его глаза все еще оставались закрытыми. Однако он перебирал буддийские четки в руке, считая бусины одну за другой.

Храм Великий доброты был императорским храмом, и Цзюнь Цзю Чэнь часто приходил, поэтому настоятель знал его характер и никогда не осмеливался его беспокоить. Однако, когда монахи разошлись, молодой послушник подбежал к Цзюнь Цзю Чэню и сел рядом с ним.

Маленького послушника звали Нянь Чэнь, ему было около девяти лет. Черты его лица были словно вырезаны из нефрита, что делало его очень хрупким и нежным, как если бы он сам был безупречным белым нефритом. На нем было черно-серое монашеское одеяние, а на шее висела длинная связка буддийских бус. Несмотря на то, что он был молод и незрел, он все равно выглядел как настоящий монах.

Он был единственным, кто во всем храме Великой Доброты осмеливался подходить к Цзюнь Цзю Чэню. Цзюнь Цзю Чэнь не обращал внимания на настоятеля храма, а предпочитал говорить с маленьким послушником.

Маленький послушник склонил голову и посмотрел на Цзюнь Цзю Чэня. Он взял буддийские четки в руке Цзюнь Цзю Чэня и понюхал их, а затем с любопытством спросил:

– Ваше Высочество, аромат агарового дерева исчез?

В последний раз, когда из-за вспышки холодного яда Цзюнь Цзю Чэнь принимал лекарственную ванну, эти буддийские четки оставались на всю ночь на краю горячего источника. На следующий день их аромат полностью исчез, остался только запах лекарств.

Цзюнь Цзю Чэнь открыл глаза и ответил только «эн» (п.п. кто не помнит, это звук согласия у китайцев). Его тон был не таким холодным, как обычно, и в нем была нотка мягкости.

Маленький послушник с сожалением посмотрел на него, но быстро улыбнулся и сказал:

– Должно быть, это изменения в судьбе. Ваше Высочество, не беспокойтесь.

Трудно было сказать, пытался ли он утешить себя или Цзюнь Цзю Чэня.

Он поджал губы и улыбнулся, его глаза сузились став как два полумесяца, невинными, нежными и милыми. Ему было всего девять лет, но когда он улыбался, казалось, что у него

была сила превзойти все буддийские искусства. Она была похожа вечерний весенний ветерок, дававший ему ощущение спокойствия и умиротворенности.

Каждый раз, когда Цзюнь Цзю Чэнь видел его улыбку, он испытывал неопишное чувство. Независимо от того, было ли тяжело у него на сердце, был ли это гнев или беспокойство, все они мгновенно исчезали.

Он пришел в храм Великой доброты, чтобы послушать сутры и увидеть этого ребенка.

Цзюнь Цзю Чэнь погладил блестящую лысину маленького послушника, дал ему конфету и ушел.

Той же ночью он вернулся в город...

<http://tl.rulate.ru/book/24846/1049471>